

Бактықожа

Измұхамбетов

РОДНОГО СЛОВА ТЕПЛЫЙ СВЕТ

* * *

Не сочти меня бесхарактерным, если я от души смеюсь.
В этой чистой радости искренней исчезает жизненный груз.
«Кто не любит смех, тот и горьких слёз не оценит», – так говорят.
Что ж, кому-то выпадут жребием только боль, печали и грусть.

Я улыбкой светлой готов встречать каждый новый солнца восход
И с надеждой в завтра гляжу опять: что еще судьба принесёт?
Был мечтателем и остался им, много тайн сохранил в себе.
Всё, что в будущем предназначено, воплотится в любой судьбе.

Снежно-белая полоса удач бесконечной не может быть,
И когда-нибудь в полотно добра вдруг вплетётся черная нить.
Всё отмерено, всё имеет край, да и жизнь не вечна совсем.
Об одном прошу я Всевышнего: пусть поменьше будет проблем.

* * *

Мы – казахский народ с уникальной судьбой,
На камнях чётко вырезан путь.
Каждый знает: семь предков стоят за тобой,
Помни их имена, не забудь.

Мы – казахи, как прежде, традиции чтим,
Любим той, ценим пиршества час.
Сотни раз возрождаясь, опять воспарим,
Сколько б мир ни испытывал нас.

Мы – казахи, и в тех, кто к нам в юрту войдёт,
Не пытаемся видеть врага.
Всякий путник, уставший в пути, обретёт
Здесь друзей и тепло очага.

Мы – казахи, и каждый гостям будет рад,
 Даже если совсем не богат.
 Всем дающим Аллах возвращает стократ –
 Эту мудрость познал стар и млад.

Не ходили с захватом к чужим берегам,
 Обретали друзей мы везде,
 Не бросали своих мы врагам никогда
 В неминуемой смертельной беде.

Нам неведома слабость пред грозным врагом,
 Исполняем мы отчий завет,
 Защищая казахскую степь, милый дом,
 Держим знамя грядущих побед.

Мы – казахи, богаты наследьем своим,
 В нас не зря память предков поёт.
 Реки, горы, леса и пустыни храним,
 В них душа наша вечно живёт.

* * *

Буран завьюжил степь Сары-Арки,
 И не найдёшь на этот снег управы.
 Порхают санки берегом реки –
 Ребят столичных зимние забавы.

Невольно память в детство вдруг вернёт
 И оживит похожие мотивы.
 Свободен ныне мой степной народ,
 А юность – беззаботна и красива.

Хранит молчанье ледяной Ишим,
 Влюблённых пар заветные секреты.
 Вот в гору санки тащат малыши,
 Барахтаясь в снегу, тепло одеты.

Нам белый цвет милей иных цветов,
 Белеет всё, что свято в жизни нашей,
 Как сказка дивных белоснежных снов,
 Столица – в мире нет родней и краше...

ВРЕМЯ

Время измеряем днями,
 День да ночь – простой мотив.
 Год считаем месяцами,
 По сезонам разделив.

Незаметно годы скачут,
Оставляя в сердце след:
Испытанья, неудачи,
Не стряхнуть проблем и бед.
Каждый образ – друг за другом,
Цепью бусинки-года,
Жизненным привычным кругом
Льется времени вода.
Прилетает, будто птица,
Календарный свежий лист,
С прежним хочется проститься,
Рвем его, а новый – чист.
Бьются стрелки, словно сердце,
Отсекая мрак и свет.
Ночь порой толкаешь в дверцу,
Мутным дням исхода нет.
Прежний миг уж не вернётся,
Это все должны понять,
Блик луны и лучик солнца
Оценив, не потерять.
Круч еще пройдем немало,
Продолжает время бег,
Перевал за перевалом.
Счастья дни – в душе навек.

* * *

Приниженно, с дрожью и трепетом
Прожили мы семьдесят лет,
Хвалили беспомощным лепетом
Других, а самих себя – нет.
Чужих называли здесь лучшими,
А мы волочились в хвосте,
Как души, случайно заблудшие,
Ведомы к туманной мечте.
Бежали за пришлыми многими,
Ловили услужливо взор,
Забывшими гордость, убогими,
Терпя униженья позор.
И поняли, ставши свободными:
Нужны мы лишь сами себе.
Но дружим со всеми народами
И мир сохраняем в семье.
В природе у нас добродушие,
Но нации гордость важней.
Сберечь бы нам качества лучшие
В преддверии будущих дней.

* * *

Казахом будучи снаружи и внутри,
Кем хочешь быть, совсем не зная языка?
Уничижая себя, трезво посмотри:
Предав родную речь, ты проклят на века.
Я в назиданье эту правду говорю,
Язык оплакивает вся моя страна.
Народ увидел возрождения зарю,
Но есть еще у нас на всех беда одна.
Мне так хотелось понимания достичь,
Чтоб наш язык вознесся флагом к облакам!
Простите, если слишком резко бросил клич:
Так набирает мощь разбуженный вулкан.
Среди народа проходя свой краткий путь,
Желаю слышать отовсюду нашу речь.
На иностранном говоря, всё ж не забудь
Язык родной любить и трепетно беречь.
Тысячелетнюю историю храня,
Мы землю, веру и язык свой бережем.
Пусть всем на зависть будет крепкою броня
И прочным вечно остается отчий дом.
Пускай казах сейчас объездил много стран,
Давно повсюду изъясняется легко,
Важней ценить наш суверенный Казахстан,
Язык, пришедший с материнским молоком.
В любом краю гордись и помни, кто ты есть.
Когда же спросят,
Кто таков, каких кровей, –
Казахский этнос представлять сочти за честь,
Чтоб не назвали азиатом без корней.
Вот мой наказ и просьба, старшего совет.
Я повторю, что коль рожден казахом ты,
Не предавай родного слова тёплый свет,
Его исконной и могучей красоты!

* * *

«Какой вам прок от пастбищ тех?
Коль нет скота, к чему они?
Пустые хлопоты для всех,
Пройдут бесславно ваши дни».
Вот так морочат степняка,
Как будто нет у нас земли.
Латифундисты на века
К рукам прибрать всю степь смогли.
«Разграблен край. Позор и стыд!» –
Рыдает-стонет вся страна.

Чужих деяний страшен вид,
 И малой кучки роль видна.
 Народ степи землёй богат,
 Достоин пышно процветать.
 Просторы наши – сущий клад,
 Должны беречь мы Землю-Мать.
 Дай бог нам тучные стада,
 В степи привольно скот пасти.
 Да сгинут худшие года!
 Казахам – светлого пути!

* * *

Как сказано было великим Абаем,
 Стихи я слагаю не ради забавы,
 И вслед за поэтами тихо ступая,
 Ничуть не жалею о месте своём.
 Я в поисках нефти, в непознанных землях
 Полжизни провел,
 Видел выжженный Йемен,
 Порою тащил непосильное бремя,
 Стихов же не бросил, писал обо всём.
 И в лодке бурливый поток пересекая,
 Из каверзных строчек строфы выгребая,
 Я счастлив был тем, что вокруг прорастают,
 Как милый Урал – реки трепетных слов.
 Когда набегает волна новой песни,
 Я мир обретаю большой и чудесный,
 Секретной тетради моей неизвестной
 Листки заполняет жемчужный улов.
 Взрываясь, слова вылетают из сердца,
 Они, как зеркальная совести дверца.
 И свежих стихов полноправным владельцем
 Я душу раскрыть перед вами готов.

СКАЗ О ГНЕДОМ СКАКУНЕ

Для казаха скакун верным спутником был,
 Так веками сложилось у нас.
 Торы ат – символ скорости, стати и сил,
 Победитель и радость для глаз.

На поминках в роду Аталык, Алаша
 Тьма приезжих гостей собралась.
 И у каждого всадника просит душа,
 Чтобы скачка скорей началась.

Предречён был итог за полгода почти,
И отобраны кони уже,
Наилучшие же среди десятков шести
Пять тулпаров на том рубеже.

Первый – рыжий с отметиной, резвый тулпар,
Всех обходит на скачках стрелой.
Восхищаются тем скакуном млад и стар,
Он один среди тысяч такой.

И скакун вороной был не хуже ничуть,
Не страшился в байге никого.
За волшебную силу и мощную грудь
Чёрным дьяволом звали его.

А ещё белоснежный среди них жеребец,
Взор горяч, рвёт скакун удила.
С ним легко предсказать каждой скачки конец,
Велика его слава была.

Конь саврасый набрал свою силу и мощь,
Обходил многих резвых не раз.
Хоть хозяин блеснуть им на скачках не прочь,
Выжидает: придёт его час.

Есть известная парочка скромных коньков,
Неустанный их помнится бег,
С их триумфа минуло немало деньков,
Но успех не забудут вовек.

Много есть и похуже других лошадей,
Но без них состязанью не быть.
И, глядишь, вдруг окажется кто-то сильней,
Их лишь скачка должна рассудить.

Вот окрестный народ собирается весь,
И погонщику знак уже дан,
Все мальчишки-наездники с опытом здесь,
Знают цену байге аламан.

Жеребец черный с меткой отдельно стоял,
Он – донен, мощный конь вороной.
Удила в ожидании скачки жевал,
Чуял взгляды старейшин спиной.

Он породист, без примеси в чистой крови,
Без сомненья, за ним будет приз.

А владелец его – Турманбет, главный бий,
Род Шеркеш, ответвление Койыс.

Знатоками байги был забег оценён,
Глаз не сводят с ведущих коней,
Их всего шестьдесят, это явь, а не сон,
Нынче лучший из праздничных дней.

В напряженье на старте покой потеряв,
Скакуны на переднем краю.
У кого-то из них свой безудержный нрав,
Их заметишь и в общем строю.

Приковав многолюдной толпы жадный взгляд,
Роет землю копытом гнедой,
А в седле, оттянувши поводья назад,
Укротитель его молодой.

Тут с пригорка, что с краю, махнули платком,
И байга наконец началась.
Вот лихие наездники мчатся верхом:
Дробь копыт, пыль столбом понеслась.

Не успели тут зрители глазом моргнуть,
Кони резвые скрылись вдали.
Только цокот копыт да натоптанный путь,
Воздух жаркий в горячей пыли.

Вырывается дюжина резвых вперёд,
Пролетают, как миг, десять вёрст.
А потом лишь семёрка ведущих идёт,
Путь байги протяжён и непрост.

Нужно вызнать у лошади норов и стать
До начала серьёзной байги,
Невозможно свернуть, невозможно устать,
Скачка длится, и, значит, беги!

Вдруг вперёд семилетка саврасый рванул,
И на брошенной палки размах
Оторвался от группы, победно всхрапнул
И понёсся на всех парусах.

Групповая байга прерывает свой ход,
Растянулись ведущие в цепь.
Чёрный с меткой вторым за саврасым идёт,
Пролетает ковыльная степь.

Третьим рыжий с отметиной бодро летит,
Вслед за ним белоснежный тулпар.
А вторая четвёрка отстала в пути,
Нарастает горячечный жар.

Сорок вёрст позади, изменился расклад,
Обогнал остальных вороной.
И за белым конём, ускоряясь стократ,
Скачет он, надвигаясь стеной.

Вот ведущие кони прошли полпути,
Два простых и конь позади,
И сумели втроём всех они обойти,
Скачут гордо теперь впереди.

Рыжий с меткой как будто бы этого ждал:
Словно натиск у вражеских стен,
Вмиг разбив тройку ту, вихрем он поскакал
И летит с ними вровень жирен.

Так четвёрка ведущих в отрыв унеслась,
Отстающих совсем не видать.
И заметна усталости грозная власть
В тех, кто должен байгу проиграть.

Тех, кто первыми будут, несложно узнать
Из шестидесяти жеребцов.
Победителями только избранным стать,
Это каждому ясно без слов.

Настоящая скачка начнётся вот-вот,
Тройка многих заметней летит.
Конь гнедой приближается, скор его ход,
И в ушах только ветер свистит.

Лебединая шея и взгляд, как огонь,
Жеребец голенастый гнедой,
Байбакты Баймырзы это был славный конь,
Он готовился к скачке такой.

Двое всадников юных, как камень, крепки
В своей вере в лошадок простых.
Повидали мальчишки и тоев деньки,
И байгу на поминках больших.

Мальчик скачущий крепкой рукой удержал
Ход гнедого, ведь там, впереди

Тамарисковых зарослей острый кинжал
И ловушка для конской груди.

Хоть решительней был конь гнедой, но теперь
Рыжий с меткой не пустит вперед.
На пути тамариск, словно алчущий зверь,
В летнем мареве путников ждёт.

Тамариск верховому – сложнейший барьер.
Он ослабил тугую узду,
И немедля гнедой конь пустился в карьер,
Всех минует на полном ходу.

Тут и рыжий, не выдержав, рвёт удила,
И наездник узду отпустил.
Столь безудержна скачка, быстра и смела,
Будто с парой невидимых крыл.

Боже, что за напасть?! Впереди конь гнедой,
Рыжий с меткой гнедым обойдён.
Он несётся как вихрь, как дождь грозовой.
Чёрный – в силе, но сдался и он.

Сколько рыжий с отметиной громких побед
Одержал вплоть до этого дня!
Всем казалось, что равного рыжему нет,
До участия гнедого коня.

Предсказатели все возмущенья полны,
Шум и свист раздаются вокруг.
Удивление, гнев, недоверье видны:
Да откуда скакун взялся вдруг?

Прежде лошади этой никто не видал,
Обошёл всех в байге Торы ат,
Лишь попозже и рыжий тулпар прискакал
С беспородными клячами в ряд.

Обошёл всех гнедой в три могучих рывка,
И не нужен ретивому кнут.
Враз пятнадцать верблюдиц и три косяка
Баймырзе за победу дают.

От кобылы, ушедшей с калымом, рождён
Был когда-то лихой Торы ат.
И сваты, услышав, что прославился он,
Жеребца как приплод взять хотят.

Баймырза опечален, к Сырым-судье
Он, не выдержав, бросился вмиг.
Сырым-бий отвечает, покорный судьбе,
Полон гордости праведный лик.

«Коль решили гнедого с собой увезти,
Сея в наших аулах разлад,
Пусть сноху не забудут на этом пути,
Забирают невестку назад».

Не желая расстаться с конём, Баймырза
Сырым-бию его подарил:
А противники, скорой расправой грозя,
Раздувают враждебности пыл.

К Нурым-хану ходил всей толпой на поклон,
Ничего не добившись, народ.
В Оренбург направляется жалобный стон:
Вдруг решение сверху придёт?

Это здешние распри, и здесь их решать,
А чужим непонятен сей спор.
Нужно биев влиятельных вместе собрать,
Пусть ведут меж собой разговор.

Слово острое – то, что хоть ветви руби,
Хоть в бою неприятелей режь –
Напоследок решился сказать Сырым-бий
Турманбету из рода Шеркеш.

Турманбет, увидавши гнедого коня,
Произнёс, глядя прямо в глаза
Сырым-бию: «Батыр, ты послушай меня», –
И весомое слово сказал.

«Ты герой и оратор, батыр и судья,
Бием назван и учишь народ,
Величавы и поступь, и внешность твоя,
Устремляешься только вперёд.

Недостоин тебя, бий Сырым, тот гнедой, –
Произносит вердикт Турманбет. –
Пусть подарком моим станет конь вороной,
Он прослужит тебе много лет».

Тут молчанье своё прерывает Сырым:
«Вороного принять бы я рад.

Но он будет всегда для меня лишь вторым,
На особом счету – Торы ат.

Он от пули спасал меня в страшных боях
И на скачках был скор и силён,
А когда путь далёкий ему предстоял,
Бил копытом в предчувствии он».

«Апырай! – восклицает тут бий Турманбет, –
Так вот это – тот самый гнедой?
Удививший меня, знавший сотни побед,
Он рождён под счастливой звездой».

И торы, будто понял вдруг эти слова,
Выгнул длинную шею дугой.
Да, недаром о нем разносилась молва,
Не сравнится с ним кто-то другой.

Так прославлен был конь скаковой Торы ат,
Доказал родовитость свою.
Все вокруг с восхищеньем о нем говорят,
И акыны в стихах воспоют.

«Конь хороший – одно из сокровищ семи», –
Так не зря говорили у нас.
Не легенду, читатель, а правду прими,
О гнедом скакуне мой рассказ.

Перевод с казахского Рены Жумановой.

Торы ат (каз.) – гнедой конь.
Аламан байга – конная скачка на длинные дистанции.
Донен (каз.) – жеребец-трехлетка.
Коныр (каз.) – темно-серый конь.
Жирен (каз.) – рыжий.

